

Оппозиция «свой – чужой» в англоязычной прессе: лексические средства выражения

Т.В. Алиева

В статье анализируются такие языковые средства политического дискурса, как политическая лексика, эвфемизмы и дисфемизмы. В фокусе внимания – их употребление в аналитических статьях качественной прессы Великобритании. Рассматривается соотносительность данных лексических средств и их функционала с концептуальной оппозицией «свой – чужой».

Ученые, исследующие политический дискурс, сходятся во мнении, что его базовой инструментальной функцией является борьба за политическую власть¹. Учитывая, что понятие борьбы предполагает наличие противоборствующих сторон, сторонников и оппонентов, друзей и врагов, то очевидно, что одной из базовых оппозиций политического дискурса является концептуальная оппозиция (КО) «свой–чужой». В фокусе нашего исследования – политические аналитические статьи качественных газетных изданий Великобритании. В таких статьях происходящим событиям и явлениям дается оценка, которая практически всегда реализуется сквозь призму оппозиции «свой–чужой». Наблюдается зависимость выбора языковых средств для выражения оценочного суждения от того, кто является объектом оценки – друг или враг, приверженец близких автору и читательской аудитории ценностей или исповедующий чуждую им идеологию.

К языковым средствам, употребление которых обусловлено КО «свой–чужой», относятся в первую очередь политическая лексика, политические эвфемизмы и дисфемизмы. Данные языко-

вые средства объединяет также ограниченность сферы их употребления – они используются преимущественно в политическом дискурсе, что и объясняет их тесную взаимосвязь с дихотомией «свой–чужой», которая для этого вида дискурса является базовой. Так, политическая лексика может служить для идентификации своей и чужой групп, для сплочения «своих» или может быть направлена на борьбу с «чужими», выражение агрессии против «чужих». Эвфемизмы и дисфемизмы также отражают две стороны борьбы за власть:

– эвфемизмы используются для формирования положительного образа «своих», а также для оправдания действий, направленных против «чужого»;

– употребление дисфемизмов, напротив, служит оружием атаки на «врага», они направлены на формирование такого образа «чужого», который вызывал бы неприязнь, ненависть².

Рассмотрим данные языковые средства более подробно. Политическая лексика (ПЛ) представляет собой совокупность общеупотребительных слов, именующих явления сферы политики.

Алиева Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД России. E-mail: t.alieva@rambler.ru

ПЛ, соотносимая со «своими», включает такие лексемы и их производные, как *electorate, voters, democracy/democratic, liberal, capitalist/capitalism, freedom/free, tolerance, human rights* и некоторые другие. В британских газетных изданиях распространено употребление слов *democracy/democratic* и *liberal* в словосочетаниях *western democracy, western liberal values, liberal western democracy*. Использование таких словосочетаний направлено на укрепление стереотипа «западное общество – демократическое». Безапелляционности, априорности этого утверждения способствует атрибутивная позиция лексемы *western*. Ноам Хомский отмечает, что особенность политического дискурса западного общества заключается в том, что, с одной стороны, установленная политическая система предполагает свободу мысли и свободу слова, с другой стороны, государство контролирует политическую полемику, допуская возможность дискуссии только в рамках определенных базовых предпосылок. Утверждение «западное общество – демократическое» является одной из таких базовых предпосылок³.

К ПЛ, соотносимой с «чужими», относятся следующие слова и словосочетания: *communist / communism, authoritarian / authoritarianism, imperialist / imperial / imperialism, autocrat / autocracy, illiberal, expansionist / expansionism, neoconservative (neocon), fascism, dictatorship/dictator, nationalism/nationalist, totalitarian, racism, Nazi/Nazism, (religious) fundamentalism/fundamentalist, hard-line (politics/politician), command politics* и другие. К ПЛ «чужих» также относятся словосочетания, в которых выражается отрицание демократических принципов, такие, как *to avoid democracies, aversion to democracy, disregard for the democratic process and human rights*. Существует ряд слов, которые соотносятся с «чужими» не всегда, а в некоторых контекстах: *government, Establishment, Cabinet, politicians*.

Специфика ПЛ состоит в том, что ее употребление тесно переплетено с наделением объекта тем или иным оценочным знаком. То есть, используя ПЛ, автор ставит перед собой задачу не столько информировать читателя о политическом статусе объекта в фокусе внимания, сколько для того, чтобы сообщить этому объекту оценочность. Оценочность (хорошо–плохо) ПЛ напрямую коррелирует с оппозицией «свой–чужой», создавая предпосылки к логической цепочке «плохой (коммунист, автократ, нацист) значит чужой», «хороший (демократ, либерал) значит свой или друг». Такие слова, как *fascism, Nazism, dictatorship, racism, totalitarian*, обладают отрицательной оценочностью, причем вектор оценки будет всегда направлен на «чужих», и никогда эти понятия не будут использоваться для характеристики «своих» независимо от реального состояния политической системы. Положительно заряженная ПЛ (*democracy, liberal*), как правило, употребляется в отношении «своих». Кроме того, такая лексика может служить маркером «чужого–друга», исходя из предпосылки «объекты, придерживающиеся

схожих с нами политических взглядов и идеологий, – наши друзья».

Сдвиг от денотативного значения к оценочному во многом обусловлен расплывчатостью лексического наполнения ПЛ. Большинство политических терминов имеют несколько трактовок, и говорящий обычно исходит из своего собственного представления о том или ином понятии. Как отмечает Д. Грабер, никто, в сущности, не знает, что означают слова «коммунист» или «демократ», это просто положительный и отрицательный ярлыки, воплощение добра и зла⁴. Далеко не всегда рядовой читатель знает определение тех или иных политических терминов, даже несмотря на их общеупотребительный характер, имея довольно расплывчатое представление об их значении, тем ни менее оценочный знак, закрепленный за тем или иным политическим термином, ему всегда точно известен. Как в предложении *But North Korea is a pure totalitarian state founded on Stalinism and a quasi-religious cult of personality*⁵. Значение выделенной политической лексики не всяким британским читателем будет точно и полно декодировано, но явно отрицательная оценочность таких слов, как *totalitarian, Stalinism, cult of personality*, подлежит однозначному истолкованию.

Особенность ПЛ также состоит в том, что помимо слов с устойчивой оценочностью (таких, как, например, *fascism, totalitarian*, имеющих исключительно отрицательную оценочность), существуют слова, открытые к амбивалентному толкованию⁶. Подвижность оценочного знака ПЛ зависит от политической позиции говорящего, от того, кого он считает «чужим», а кого «своим». Так, понятия *socialism, socialist* наделяются положительной оценкой и относят объект к «своим», если говорящий представляет Лейбористскую партию, или, напротив, приобретают отрицательную оценочность и маркируют объект как «чужого», если говорящий выступает от имени Консервативной партии.

Рассмотренная специфика ПЛ свидетельствует о том, что ПЛ преимущественно осуществляет оценочную функцию. Реализация оценочной функции напрямую коррелирует с КО «свой–чужой», и здесь представляется целесообразным ввести более дифференцированный функционал ПЛ. Вслед за Е.И. Шейгал мы выделяем функции ориентации, интеграции и агональности, присущие ПЛ⁷. Данные функции представляют собой функции второго порядка, являясь второстепенными по отношению к оценочной. Рассмотрим их более подробно.

Во-первых, ПЛ может служить для реализации функции ориентации, то есть для обозначения политической позиции субъекта или объекта и для идентификации «своих» и «чужих». Обозначая кого-либо коммунистом или либералом, правым или левым, указывая на приверженность ценностям свободного общества или тоталитарного режима, говорящий указывает, к какому лагерю принадлежит объект, кто он – свой или чужой.

В высказывании *A nation that had never enjoyed democracy should content itself with basking in its delights*⁸ для обозначения России используется перифраз (см. выделенное словосочетание). Государство, в котором никогда не существовало демократии, автоматически маркируется как «чужое», так как стереотип «западное (свое) общество – демократическое» является базовой предпосылкой британского политического дискурса. Напротив, в публикации о президентских выборах в США избрание президентом Барака Обамы характеризуется как высшее проявление демократии: *But it is a truly auspicious moment for global democracy when people around the world can feel confident sharing America's unique national dream*⁹.

В этом высказывании *global democracy* обозначает ту часть мирового сообщества, которая придерживается демократических принципов и к которой априорно принадлежит Великобритания, соответственно причисление к ней Америки маркирует ее как «своего».

Во-вторых, ПЛ может служить для осуществления функции интеграции, для сплочения «своих», для маркирования говорящего как «своего». Некоторые политические термины могут выполнять функцию своего рода пароля «я свой». Обращаясь к западной аудитории, говорящий использует такие слова, как *democracy / democratic, freedom / free, liberal / liberalism*, обозначая таким образом приверженность общим ценностям и отождествляя себя с адресатом. Такой прием позволяет более эффективно манипулировать его сознанием и повышает силу воздействия: *In a democracy, we have a legitimate right to criticise offensive opinions but not to ban them*¹⁰. // *Too bad, because the fact seems to be that we liberals are not winning this fight against the economic and cultural nationalists*¹¹.

Как это демонстрируют примеры, отождествление говорящего с адресатом происходит наиболее эффективно при подкреплении политических терминов из зоны «своего» инклюзивным местоимением *we*, способствуя установлению контакта с адресатом, что особенно важно при манипулятивном воздействии. Создавая видимость общих интересов, автор добивается согласия адресата по всем позициям, высказанным в статье.

В-третьих, ПЛ может выполнять агональную функцию, то есть быть нацелена на понижение политического статуса оппонента. В этом случае политические термины выступают в роли политических ярлыков. Как отмечает О.Л. Дмитриева, особенностью отрицательной оценки политического ярлыка заключается в том, что она не указывает на объективные свойства личности, общества, явлений, а обозначает их по признаку идеологической инородности¹². К политическим ярлыкам относятся названия политических партий, движений, идеологий, наименования и характеристики политических агентов (политиков, организаций, государств) по их приверженности тому или иному политическому режиму

(*neoconservative/neo-con, communists/communism, fascists/fascism, Nazi/Nazism, Stalinism, nationalists/nationalism, racist/racism, dictator/dictatorship, autocracy/autocrat, authoritarian/authoritarianism, totalitarian/totalitarianism, imperial/imperialist / imperialism, illiberal, expansionist/expansionism*).

Политические ярлыки навешиваются на «чужого» и формируют резко отрицательную оценку: *Anything «awarded» as a prize to authoritarian states like the Soviet Union or China is political*¹³. // *Moreover, Mustafa's organisation used to openly call for the killing of gay people and its constitution is an agenda for clerical fascism. || The HuT constitution calls for the creation of a theocratic dictatorship, where non-Islamic political parties are banned and where the only law is "divine law."*¹⁴ // *The speed with which our dear, familiar democracy is vanishing under the weight of totalitarian pettiness is appalling and one wonders when this easygoing nation will rise against the trends set so blithely by that authoritarian basket Tony Blair and continued by mediocrities such as Hazel Blears and Jacqui Smith*¹⁵.

В последнем примере антагонизм «своего» и «чужого» выражается особенно ярко. Положительная оценочность «своего» (репрезентируемого местоимениями *our, this* и лексемой *familiar*) противопоставляется отрицательной оценочности «чужого» (репрезентируемого местоимением *that*). Оценочная оппозиционность «своего» и «чужого» достигается за счет целого кластера языковых средств: политической лексики (*democracy – totalitarian, authoritarian*), оценочной лексики (*dear, easygoing – appalling, blithely, mediocrities*), разговорной лексики (*basket (informal)*).

Далее рассмотрим, как функционируют в политическом дискурсе политические эвфемизмы и дисфемизмы. Одной из наиболее важных особенностей эвфемизации и дисфемизации в политическом дискурсе является его ориентация на КО «свой–чужой», которая заключается в камуфлировании, затушевывании негативных действий и характеристик «своих» и гиперболизации отрицательных действий и характеристик «чужих». Н. Хомский отмечает, что существует двойной стандарт в политической оценке событий – действия характеризуются по-разному в зависимости от того, кого говорящий считает «своим», а кого «чужим». Так, слово «терроризм» сегодня может означать только действия, совершенные «чужими» («it's done by them not us»), в то время как акты агрессии, приведшие к массовой гибели людей, но совершенные «своими», никогда не приравниваются к террористическим актам, а люди, за них ответственные, не называются террористами и даже, напротив, в политическом дискурсе могут фигурировать как герои-освободители. Совершаемое «чужими» называется «террор», «нападение, агрессия» («terror», «aggression»), совершаемое «своими» – «акт возмездия», «защита» («retaliation», «defence»)¹⁶.

Наиболее активно эвфемизмы и дисфемизмы употребляются в публикациях, посвященных военным действиям с участием Великобритании,

в частности военным конфликтам в Ираке и Афганистане. Распространенность эвфемии в этом тематическом блоке объясняется тем, что политика военного вмешательства во внутреннюю политику других стран крайне непопулярна среди британцев. И в качественной прессе она преимущественно подвергается серьезной критике. В то же время ориентированность дискурса о «нас» на стратегию положительной самопрезентации приводит к тому, что автор стремится на языковом уровне смягчить ту негативную оценку, которая присваивается действиям «своих». В свою очередь, желание оправдать каким-то образом действия «своих» обуславливает и употребление дисфемизмов в отношении «чужого-врага», усиливая его негативную оценку.

В статьях, анализирующих конфликты в Афганистане и Ираке, эвфемизмы о «своих» используются для наименования военного вторжения, его последующей неудачи, а также для обозначения военных сил и пострадавших. К эвфемизмам, обозначающим военное вторжение, относятся такие словосочетания, как *the Iraq operation, counter-insurgency, British involvement in Iraq and Afghanistan, the military mission, expeditionary missions, Western interference, humanitarian intervention, peacekeeping efforts, commitment to Afghanistan, the war on terror, the military surge, the Afghan problem, military adventure, the presence of British troops in Afghanistan, military support, a punitive retaliatory strike, to provide security for the population, to bring stability to Iraq, to neutralize Iraq's military threat, the provision of good governance, to accelerate efforts to build democracy in Iraq* и многие другие.

Такие эвфемизмы используются с целью выветить, выдвинуть на первый план положительную составляющую военного вторжения, таким образом отводя внимания от одной из основных ценностных доминант цивилизованного общества «любая война, агрессия – это плохо». Существует несколько способов нейтрализации негативной оценки военного участия Великобритании. Во-первых, смягчение отрицательной оценки может достигаться за счет редуцирования компонентов: «война», «агрессия», «насилие»: *action in Afghanistan and Iraq, expeditionary missions, Western interference*. Другим продуктивным способом образования эвфемистических словосочетаний является использование слов с положительной оценочной семантикой: *peacekeeping efforts, humanitarian intervention, to bring stability to Iraq*.

В словосочетаниях с прилагательным *military* связанная с ним негативная ассоциация о войне нейтрализуется за счет второго компонента, который обладает положительной семантикой: *military support, military commitment, military answer to the Iraq conundrum*. Даже в словосочетании *war on terror* внимание акцентируется на участии страны в военных действиях в ответ на террористические акты, наполняя лексему *war* положительным аксиологическим потенциалом. К распространенным способам эвфемизации также относится употребление общих

понятий вместо конкретных, создавая у адресата неопределенное или нейтральное впечатление о денотате, таким образом камуфлируя неприглядную действительность: *the Iraq enterprise, British involvement in Iraq*.

Наглядным примером использования эвфемии для оправдания военного вторжения в Ирак и Афганистан служит следующее предложение: *Helping these countries tip the balance away from blood-letting towards peace is a national security priority that will not only require military might, but deployable civilians*¹⁷. Этот пример целиком представляет собой эвфемистическое высказывание, которое направлено на манипулирование сознанием адресата. Фраза *helping the se countries tip the balance away from blood-letting towards peace*, по сути, является подтасовкой фактов – начало военного вторжения подменяется оказанием помощи. Термин *national security priority* относится к политическим ярлыкам – с одной стороны, он не вызывает сомнения с точки зрения блага для страны, с другой стороны, его значение настолько размыто, что позволяет навесить его на любое политическое решение – «участие в военном конфликте в интересах нашего государства, поэтому это благо».

Выражение «*require military might*» имеет широкую семантику и лишено всякой определенности, соответственно его реальное значение «развертывание военных действий» ускользает от адресата. В результате высказывание способствует искажению действительности, создавая такую картину мира, в которой военное вторжение приравнивается к акту доброй воли как для «своей» страны, так и для иностранного государства.

Отдельного внимания заслуживают эвфемизмы, используемые для наименования пострадавших в военных конфликтах: *collateral damage, forcibly displaced people, civilian casualties, to be killed (о противнике) by a combination of good intelligence and effective technical means, to rid Baghdad and other urban areas of Sunni and Shia death squads and «foreign fighters»*. В этих словосочетаниях к минимуму сводится эмоциональный трагический эффект высказывания в связи с использованием сухих, оценочно и эмоционально нейтральных слов, в которых редуцируются компоненты «убийство», «насилие».

Примечательно, что в словосочетании *to be killed by a combination of good intelligence and effective technical means*, в котором не опускается глагол «*kill*», название деятеля замещается названиями военных операций, причем с присвоением им положительной оценки (*good, effective*). Это словосочетание является наглядным примером политической манипуляции, которая смещает фокус с факта убийства на качество выполнения операции – фактически ситуация оценивается с позиции «хорошо проведенная операция по уничтожению противника – плохо проведенная операция по уничтожению противника», вытесняя смысл «наши солдаты убили людей».

Оценочно нейтральные лексемы также могут использоваться для обозначения военных сил «своей» стороны: *professional soldiers, British soldiers, professional armed services, British civil servants and police officers*, реализуя прагматическое намерение указать на отсутствие злого умысла – это профессиональная армия, которая выполняет решения политической элиты. Некоторые эвфемизмы, напротив, основаны на персонификации, «своя» армия – это люди, мальчики, юноши, а не безликая толпа: *our boys, people, young men*.

Выбор подобных наименований для обозначения армии, с одной стороны, выявляет более личностное отношение к «своим», восприятие армии не как массы, а как конкретных людей (это связано с онтологической сущностью концепта «свой–чужой» – «свое» знакомо, понятно, «свой» мир – это мир уникальных, индивидуальных объектов¹⁸). С другой стороны, такое представление «своих» способствует формированию положительной оценки – «нам» трудно было бы представить «наших мальчиков», «юношей», совершающих насилие, поборниками агрессии.

Контраст эвфемизмам о «своих» составляют дисфемизмы, которые употребляются для наименования агрессивных действий «чужих», приведших к гибели «своих»: *to offer a battlefield on which jihadis can kill westerners, indiscriminate killing, to slaughter as many civilians as possible, to harass the troops with roadside bombs and suicide attacks, random acts of savagery, to be executed in a brutal and revolting manner*. В отличие от вышеприведенных эвфемизмов в дисфемизмах используются конкретные понятия (ср.: *to kill westerners, to be executed || collateral damage, civilian casualties*), а также слова с эмоциональным оценочным компонентом (*indiscriminate killing, slaughter, savagery*), таким образом акцентируя компоненты «убийство», «насилие», «агрессия».

Два следующих примера наглядно демонстрируют, как в зависимости от того, кто несет ответственность за гибель мирного населения, силы «своих» или силы противника, меняется выбор языковых средств: *Such operations nearly always lead to civilian casualties, and, even when they do not, there is an inherent unfairness about them which causes intense resentment*¹⁹. // *In spite of Muslim anger over both Iraq and Afghanistan, that assessment, never truly positive, has become more and more negative as al-Qaida has alienated people by its indiscriminate killing, its patently fantastical solutions and its lack of interest in poverty, unemployment and education*²⁰.

В первом предложении используется оценочное неопределенное *lead to civilian casualties*, так как в этом случае за гибель людей несут ответственность военные силы «своей» стороны, и даже несмотря на то, что в целом высказывание направлено на критику военных операций, такой эвфемизм имплицитно смягчает отрицательную оценку. Во втором предложении, напротив, градус негативной оценки повышается, т.к. речь уже идет об агрессивных действиях «чужих» – употребляется словосочетание *indiscriminate killing*,

нагруженное эмоциональной негативной оценочностью за счет *indiscriminate* и конкретной семантики глагола *kill*.

Дисфемизмы также используются для обозначения военных сил противника. В газетном дискурсе распространено наименование *element(s)*, что лишает врага индивидуальности, человечности. Это еще один из способов максимально замаскировать аморальность агрессии, которая вытекает из ценностной доминанты «любое насилие, тем более в отношении человека, – это зло». Действия, направленные против врага, лишённого человеческого лица, не выглядят так же аморально, как действия, совершаемые против «человека».

Группа дисфемизмов, используемых для обозначения сил противника, также включает большое число слов, нагруженных отрицательной оценочностью. Отрицательная оценка особенно сильно проступает в дисфемизмах *bad people, assassins, the hosts of the perpetrators of 9/11, the warring gangs, thugs*. Такие дисфемизмы, как *militants, militias, warlords, fighters, terrorists, extremists*, содержат компонент «насилие», «агрессия», являясь еще одним инструментом для оправдания действий «своих», – «свои» при таком представлении положения дел борются со злом, с террористами, экстремистами, и тогда насилие становится оправданным.

Использование эвфемии и дисфемии в аналитических статьях качественной прессы не исчерпывается освещением военных конфликтов. Стремление преуменьшить остроту экономических проблем приводит к использованию таких эвфемизмов, как *recession, economic failure, austerity measures*, для обозначения экономического кризиса и мер, подразумевающих повышение налогов и общее ухудшение уровня жизни, – в таком случае газета оказывается в одном лагере с правительством, скрывая от читателя всю серьезность кризиса и суть внутренней политики. Эвфемизмы могут использоваться для обозначения социальных проблем, связанных с иммиграцией. Так, в одной из статей автор смягчает негативное отношение британцев к наплыву иностранцев: *For those of us who have felt unsettled, or even alarmed, by the exceptional scale of recent immigration to the United Kingdom, there has been one argument that has been difficult to rebut*²¹. То, что автор называет тревогой и обеспокоенностью, на самом деле является раздражением и даже озлобленностью, которые большинство британцев испытывают в связи с большим притоком иммигрантов.

Эвфемия при обращении к теме иммиграции направлена на снижение социальной напряженности, возникающей между коренным населением и иммигрантами. Это тот редкий случай, когда эвфемизмы могут употребляться не в отношении «своих», а в отношении «чужих». Хотя и здесь косвенно имеет место положительная самопрезентация – в современном западном обществе откровенное осуждение другого этноса не одобряется и расценивается как проявление расизма и нетерпения, и, наоборот, умение говорить по-

литически корректно характеризует говорящего как человека цивилизованного, проявляющего терпимость и уважение к правам «чужих».

Если использование эвфемизмов в отношении иммигрантов продиктовано требованием западной культуры использовать политически корректный язык в дискурсе про этнические меньшинства, то на иностранные государства подобные ограничения не распространяются. Поэтому в отношении стран, которые в современной британской прессе позиционируются как антагонисты, в частности России, могут употребляться дисфемизмы, направленные на усиление отрицательной оценочности «чужого»: *They could start by asking the Tories to consider why, if the EU is a conspiracy against national sovereignty, countries fresh from Soviet colonization were so desperate to join*²²?

Явление присоединения стран Восточной Европы к соцлагерю здесь передается не с использованием стилистически нейтральных языковых средств (как, например, в словарной статье: *Eastern Europe – the part of Europe whose countries formerly had Communist governments and close political connections with the former Soviet Union, a через понятие Soviet colonization, которое включает отрицательную оценку (производное слово colonialism в слове имеет помету «derogatory»: colonialism (derog.) – the principle and practice of having colonies abroad*)²³.

Как и политическая лексика, эвфемизмы и дисфемизмы направлены на осуществление оце-

ночной функции, в частности на изменение градуса оценки, на смягчение отрицательной оценки «своих» и усиление негативной оценки «чужих». При этом, так же как и в случае с политической лексикой, целесообразно говорить о функциях второго порядка. Эвфемизмы и дисфемизмы осуществляют преимущественно агональную функцию, отражая две стороны борьбы за власть. Их употребление обусловлено стремлением, с одной стороны, защитить «своих», оправдать действия «своих», тем более если они сопряжены с актами насилия или агрессии, с другой стороны, напротив, атаковать «врага», сформировать резко отрицательный образ «чужого».

В заключение можно сделать вывод о том, что использование политической лексики, эвфемизмов и дисфемизмов в политическом дискурсе реализует оценочную функцию. При этом оценка происходит с опорой на концептуальную оппозицию «свой–чужой» и базируется на постулате: «свое – хорошо, чужое – плохо».

Alieva T.V. Opposition «We – They» in the English-Speaking Press: Lexical Means of Representation (Political Terms, Euphemisms, Dysphemisms).

Summary: The article is concerned with such language means of political discourse as political terms, euphemisms and dysphemisms used in analytical articles of the UK quality press. The article studies correlation of these language means as well as its functions with the conceptual opposition «we – they».

Ключевые слова

Политическая лексика, эвфемизмы и дисфемизмы, политический дискурс, концептуальная оппозиция «свой – чужой».

Keywords

Political terms, euphemisms, dysphemisms, political discourse, conceptual opposition «we – they».

Примечания

1. Чудинов А.П.. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007.
2. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
3. Chomsky N. Language and Politics. NY, 1988.
4. Graber D. Verbal Behaviour and Politics. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1976. С. 296.
5. TheTimes, 26.05.09.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
7. Ibid.
8. The Sunday Times, 24.08.08.
9. Ibid.
10. The Guardian, 25.10.06.
11. The Times, 13.01.09.
12. Дмитриева О.Л. Язык в парламентской речи // Культура парламентской речи. М.: Наука, 1994. С. 90-96.
13. The Guardian, 11.04.08.
14. Ibid, 25.10.06.
15. The Observer, 07.09.08.
16. Chomsky N. Language and Politics. NY, 1988. С. 664-673.
17. The Guardian, 18.10.07.
18. Пеньковский А.Б. О семантической категории чуждости // Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 17.
19. The Guardian, 11.09.09.
20. Ibid.
21. The Daily Telegraph, 31.03.08.
22. The Observer, 12.04.09.
23. Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1999.